

Послекризисные риски

Газета «Московские новости», 07.04.2011

Владимир Мау

Главные вызовы для России находятся не в экономической, а в демографической и политико-правовой сфере. Первый — это вопросы и перспективы экономического роста при снижающейся численности населения. Экономическая история не знает феноменов устойчивого роста при снижении численности населения. Это не значит, что этого не может быть никогда, но пока подобный механизм неизвестен. Поэтому необходимо или осмыслить, возможен ли рост при такой демографической ситуации, или найти решения для коренного изменения демографического тренда. И то, и другое является сложнейшей проблемой.

Второй важный вопрос — это exit strategy, вымывание элиты из страны. Дело не только в отъезде многих, еще более опасна долгосрочная тенденция, которая выражается в том, что дети отечественной элиты все в больших масштабах обучаются за рубежом. За 25 лет в результате глобализации произошли радикальные изменения, которые мы не всегда замечаем. Мы живем в ситуации, когда уехать из страны легче, чем ее изменить. Транзакционные издержки отъезда гораздо ниже, чем издержки по преобразованию собственной страны. С этим во многом связан и отток капитала. В 1990-х годах за границу переводили миллиарды долларов. А сейчас — небольшие суммы в несколько миллионов долларов, в значительной мере — из регионов. Это совершенно новый феномен.

Одна из проблем в экономической политике — трудность ухода от стереотипов, которые сложились на волне кризиса 1998 года. Последние 10 лет мы были справедливо убеждены, что ослабление курса рубля стимулирует импортозамещение. События последних лет показывают, что курсовой политикой можно стимулировать импортозамещение, когда паритет покупательной способности (ППС) отечественной валюты составляет 20–30% от номинального курса. Когда он достигает 50–60 % ППС, возникает дилемма: уронить курс в разы (что невозможно по социальным причинам) или признать, что курсовой политикой больше нельзя стимулировать спрос.

Это требует существенного пересмотра экономической модели, перехода от экономики спроса к экономике предложения. Валютная политика должна быть благоприятной для инвестиционного процесса. Сдерживание роста курса рубля не играет той роли, которую оно играло 10 лет назад. А высокая

инфляция, которая является следствием политики сдерживания рубля, куда более вредна для экономики с точки зрения процентных ставок, инвестиционного климата, чем это казалось еще 5 лет назад. Поэтому подавление инфляции до 3–5% представляется критически важным.

Следующий вопрос — зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, от факторов, находящихся вне контроля российского правительства и общества. От политики, основанной на принципе формирования стабилизационного фонда, мы перешли к расходованию доходов от благоприятной экспортной конъюнктуры «с колес», то есть вернулись к политике 1970–1980-х годов. Это очень опасно. Цены на нефть в реальном выражении сейчас на пике и совпадают с уровнем рубежа 1979–1980 годов. Нельзя строить политику в надежде, что на сей раз повезет и цены на нефть будут расти. Отсюда возникает риск бюджетного кризиса при высоких ценах на нефть. При крайней непредсказуемости технологических, политических и других тенденций высокая бюджетная нагрузка (предполагающая, что государство знает индустриальные приоритеты) не может работать. Необходимо восстановить профицитный бюджет и ввести понятие структурного дефицита. То есть дефицита, который складывается при средних многолетних ценах на нефть, а не исходя из нынешних цен.

Еще один риск — «послекризисный». Это проблема большого государства, которое претендует на то, что может все решить. Обратная сторона этой проблемы — приватизация прибыли и национализация убытка. Если компания эффективна — это ее заслуга, а если в минусе — то слишком велика, чтобы государство ее не спасло.

Уроки кризиса также показывают, что выгоднее быть большой компанией с долгами, чем маленькой и эффективной: и политически, и экономически. Во времена Дж.М.Кейнса говорили: «Если ты должен 100 фунтов банку и не можешь заплатить, то это твоя проблема, а если ты должен миллион и не платишь — это проблема банка». Теперь можно добавить: «А если ты одолжил миллиард и не можешь вернуть — то это уже проблема правительства». Это очень серьезный искажающий фактор и для макро-, и для микроэкономики.

*** Данный текст — сокращенная стенограмма выступления на XII апрельской конференции ВШЭ.